

— **В**одичка, водичка, умой мое личико, — непослушными губами шептала я над умывальником, чувствуя себя при этом на редкость глупо.

Сашка, моя любящая дочь и продвинутый бьюти-блогер, принесла домой кулечек с какими-то семенами и самолично приготовила из них чудо-масочку для истребления морщин и эффективной подтяжки кожи. А поскольку у самой Сашки в ее пятнадцать никаких морщин нигде нет еще и в помине, чудо-масочка была намазана на меня. Дочь уверяла, что эффект будет не хуже, чем от сказочных молодильных яблочек.

Я на эту разрекламированную косметическую процедуру не напрашивалась, но и не сильно сопротивлялась, чтобы вовсе не отбить у дочери-подростка желание заботиться о старушке-матери. Это сейчас мне слегка за сорок, а будет же когда-то, я надеюсь, и за семьдесят, тогда мне любое внимание потомков очень при-

годится. И вообще, останавливать детей в их благих порывах крайне непедagogично, это вам и Макаренко с Песталоцци скажут.

Чудо-масочка имела цвет и консистенцию густой болотной жижи. Фу-у, какая гадость! А вдруг я начну день с нее — и будет у меня потом воистину черный понедельник?

— Не загоняйся, мам, пиявки вот тоже в болоте живут, а дико полезные! — напомнила Сашка, желая меня успокоить.

Это у нее не очень получилось: я встревожилась, а не притащит ли она мне в следующий раз болотных пиявок? Они, конечно, дико полезные, но и столь же противные...

И почему это почти все то, что полезное, непременно противное? И наоборот. Мой любимый торт «Наполеон» жутко вреден для фигуры, а приятные глазу платица из новой коллекции модного дизайнера, на показ которой меня таскала на прошлой неделе Натка, смертельно опасны для кошелька...

— Ну? Сама намажешься или помочь? — угрожающе поинтересовалась Сашка, нетерпеливо тыча мисочку с чудо-блякой мне в лицо.

Отступать было некуда, позади стеной стояли Макаренко с Песталоцци. Я вздохнула, смирилась и мужественно намазала лицо полезной жижей.

Посмотрелась в зеркало — м-да, вид у меня уже на этой стадии оказался просто сказочный! Если прямо сейчас сфотографировать, будет готовая иллюстрация с подписью: «Царевна-лягушка: попытка трансформации из грязи в князи!»

Щелк! Сашка как будто подслушала мои мысли — сделала фото на свой смартфон. Ох, как же это я не сообразила, что она непременно затеет пошаговый фотоотчет и буду я наипервейшей сказочной красавицей всяя Интернета... Свет мой, Инстаграм, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее? И километры комментариев под постом: нет, мать, не лести себе...

— Да ладно, мам! Через десять минут сможешь — и сразу станешь супер, — разглядев мои сомнения даже под масочкой, пообещала мне бьюти-блогерша.

— Еще бы, на контрасте-то! — недоверчиво хмыкнула я, но послушно проходила немойтой Царевной-лягушкой даже не десять, а целых пятнадцать минут.

А потом пошла в ванную умываться, открыла кран — и он выдал мне не водичку, а пространную тираду из шипения, сопения, кряхтения и фырканья.

— А-а-а! — перекрикивая шумящий кран, взывала я.

Жутенькая чудо-масочка за четверть часа стянула кожу так, что мое лицо окаменело, даже рот открыть было трудно, и разговаривать длинными фразами я, в отличие от неумолкающего крана, никак не могла.

— Что? — дочь заглянула в ванную и сразу поняла суть проблемы. — Блин, опять отключили воду!

— Ы-ы-ы!

— Спокойно, я налью из чайника!

Сашка убежала на кухню, там погромела посудой и доложила:

— В чайнике пусто!

— У-у-у!

Чавкнула, открываясь, дверца холодильника:

— Есть еще немного молока, ты можешь умыться им. Прямо как Клеопатра!

Я топнула ногой.

— Не хочешь как Клеопатра? Ну, давай попробуем стереть это ватными кружочками с мицеллярной водой.

Мицеллярная вода помогла, хотя бутылочку пришлось опорожнить почти полностью, о чем Сашка очень сокрушалась, поскольку это было ее собственное косметическое средство, купленное на карманные деньги.

— Я выставлю счет управляющей компании! — бухтела дочь за завтраком, в отсутствие

воды состоявшим из печенья с молоком. — Офигеть, это уже третий случай, когда в доме — бац! — и отключают воду! Ну, беспредел же, ва-аще без предупреждения! В прошлый раз у нас стиралка остановилась, а у меня там любимый свитшот крутился, пришлось потом тащиться в школу в другом, нелюбимом. Теперь вот жуть какую дорогую мицеллярную воду, считай, зазря извели! Сплошные потери!

— Прибавь к этому мое испорченное настроение и реальную перспективу обострения гастрита, — проворчала я, ожесточенно грызя сухое печенье: молока едва хватило на один стакан для дочки.

Почему-то у нас в доме всегда маловато провианта. То денег не хватает, то едоков слишком много...

Только позавчера улетел Говоров, приезжавший из своих причерноморских краев на короткую побывку. Он-то, собственно, и натащил к нам в дом разных вкусных калорийных продуктов, при Говорове мы не голодали, вовсе нет! У нас тут и борщ был, и котлеты, и пироги — я вспомнила и, как говорит моя Сашка, прокачала все свои кулинарные навыки, чтобы любимый мужчина не усомнился: со мной вполне можно строить полноценную ячейку общества на три и более персоны, они все будут как минимум

сыты. Но вот Никита уехал заканчивать свою стройку века, и в нашем холодильнике снова образовалась пустая заснеженная тундра...

— Ага, в таком настроении ты сейчас кого-нибудь ка-а-ак засудишь! — мстительно поддакнула Сашка. — Жалко, что не нашу управляющую компанию.

Я злобно укусила печенье. У дочки несколько искаженное представление о том, чем руководствуется при вынесении решений наш самый справедливый в мире суд, но где-то она права. Голодный судья — злой судья!

Это, кстати, не мое личное мнение, а экспериментально доказано. Я в научном журнале читала: американские ученые проанализировали результаты 1112 слушаний о судьбе заключенных четырех израильских тюрем, которые провели восемь судей за десять месяцев, и выяснили, что шансы заключенного на условно-досрочное освобождение реально зависят от того, как сильно судье хочется на обеденный перерыв. Чем больше судья проголодался, тем выше вероятность, что он отвергнет ходатайство!

Совсем другое дело — судья сытый, добрый. Вот в Англии как-то был показательный случай: британский судья остановил заседание, когда узнал, что обвиняемый-филиппинец с утра ничего не ел, потому что из-за незнания языка

не смог прочитать, что написано в меню в столовой в здании суда. Дело было вечером, судья, сам успевший и позавтракать, и пообедать, и «пофайфокловать», отправил своего помощника за чем-нибудь съестным для подсудимого, а помощник вернулся с пустыми руками, потому что столовая уже закрылась. И тогда тот судья, как был в мантии и парике, сам отправился на кухню за бутербродом и соком для обвиняемого.

У нас тут, конечно, не Англия с ее благородными лордами судьями, но ведь люди всюду одинаково устроены, так что я обычно не начинаю рабочий день натошак. А нынче вот всего одно сухое печенье, я голодная, злая...

Видимо, это было написано у меня на лбу достаточно крупными буквами, потому что Машка, с которой я столкнулась у дверей родного Таганского суда, сразу спросила:

— Лена, что случилось?

— Масочку делала с утра, должна была обрести неземную красоту, — желчно ответила я, всем телом налегая на дверь — она у нас тяжелая, натошак не сразу откроешь. — Что, заметно похорошела?

— Заметно, что разозлилась, — честно ответила Машка. И, как добрая подруга, великодушно подделастила пилюлю:

— А с красотой у тебя и прежде все было в полном порядке.

— Спасибо, дорогая, — растрогалась я. — Представь, у нас в доме утром неожиданно отключили воду — ни умыться, ни чаю попить!

— Ничего, Елена Владимировна, я купил кофе и булочки, — успокоил меня знакомый голос. — Всем доброе утро!

Я обернулась: за нами с Машкой уже скопилась небольшая очередь из коллег, терпеливо ожидающих моей скорой и неминуемой победы над дверью. Первым в шеренге стоял мой бесценный помощник Дима, в одной руке у него был предмет моей вечной зависти — роскошный портфель из телячьей кожи, в другой — пакет с логотипом супермаркета элитных продуктов.

Дима работает в районном суде отнюдь не ради куска хлеба, он из очень состоятельной семьи и может позволить себе качественные дорогие корма. Отчасти именно поэтому кофемашиной в нашем кабинете заведует исключительно он. Кофемашина у нас капризная и тоже любит качественные дорогие корма. Дима балует ее зернами, выращенными этичным способом. Я не знаю, как это, даже не спрашивайте. Типа, на стадии созревания к кофейным зернам проявляется максимум уважения? И толерантности,

чтобы робуста не чувствовала себя ущемленной арабикой, и наоборот?

Сегодня, судя по запаху, доминировала корица.

— О, мои любимые булочки? — я чутко повела носом, стремительно добрая.

— Еще теплые, — улыбнулся Дима.

Воодушевившись, я наконец поборола дверь, и караван судебных работников быстро втянулся в холл. Машка пошла на свой второй этаж, а мы с Димой двинулись к себе в кабинет, который ласково называем «наши рудники». Там всегда такие завалы из папок с делами, что иногда я думаю — в следующем своем воплощении я точно буду работающим подгорным гномом с мотыгой, нынешняя жизнь меня к этому уже прекрасно подготовила...

— Ну что у нас новенького?

Не спеша включаться в процесс судопроизводства до получения обещанного мне кофе с булочкой, я с порога оглядела свой стол.

С момента моего ухода с работы вчера вечером гора документов на нем заметно подросла. Это могло означать только одно: под занавес рабочего дня приходила секретарша Настенька. Она давно уже заглядывается на моего помощника и выработала оригинальную тактику его охмурения: приходит под вечер с папками

новых дел и всеми возможными способами пытается навести Диму на мысль о совместном отдыхе после долгого трудового дня. Дима дела от Настеньки принимает, а предложения и приглашения — нет. Наверное, у него кто-то есть, но он об этом ничего не рассказывает.

— Ничего сенсационного, — Дима включил кофемашину, и она довольно заурчала, явно одобряя предложенные ей зерна этично выращенной арабики. — Бытовуха, штрафы, претензии к банку и иски к застройщику. Хотя...

— Что, застройщик плохо строит? Сдает жилье без удобств? — я вспомнила про отключенную воду, посуровела и сразу определилась, за какое дело возьмусь в первую очередь.

— Вообще не сдает! — Дима открыл коробку с булочками и помахал над ней ладонью, разгоняя по кабинету соблазнительный аромат. — Завтрак подан!

— Спасибо, Димочка! Что бы я без тебя делала! — искренне поблагодарила я.

После вкусного кофе со свежей булочкой даже перспектива по уши зарыться в отвалы строительного мусора не казалась мне особенно печальной. Хотя обманутые дольщики со мной наверняка не согласились бы, их ситуация с предоплаченным недостроем уже до крайности напрягла, иначе они не пошли бы в суд.

Общеизвестно, что наши люди не любят вступать в тяжбы и питают к судам вековечное недоверие. Сколько пословиц придумали: «Пошел в суд в кафтане, а вышел нагишом», «В лесу сучки, а и в судах крючки», «На суде, что на воде: как раз утонешь», «Пропадай собака и с лыком — лишь бы не судиться», «До суда три шага, а из суда и за год не дойдешь»... И конкретно про нас, судей, немало нелестного: «Судья в суде — что рыба в пруде», «Подпись судейская, а совесть лакейская», «Не всякий судит по праву, иной и по нраву»...

Между прочим, вековая народная мудрость и сегодня не потеряла актуальности. Я, когда писала очередную статью для журнала, смотрела данные Федерального социологического центра РАН — его спецы изучали, каким общественным и властным институтам простые граждане доверяют больше, а каким меньше. Так вот, суды там в конце списка, ниже только пресса, Совет Федерации, Госдума и политические партии. Не верит народ в справедливость и честность судей, не верит...

Вот, кстати, надо бы мне как-то забыть свои утренние обидки по поводу отключенной воды, чтобы не быть пристрастной — не выступать заранее единым фронтом с обиженными жильцами, это было бы непрофессионально...

А папка с исками к застройщику лежала сверху. Это случайность или намек?

Я вопросительно посмотрела на помощника.

— Дим, тут что-то особенно важное, срочное? — я потыкала пальцем в потолок. — Есть указания сверху?

Дима поднял глаза на одинокую лампу в скромном плафоне. От нее, красиво ветвясь, разбегались в разные стороны тонкие трещинки. Если абстрагироваться от перспективы в недалеком будущем поймать макушкой добрый кусок штукатурки, смотреть на это было приятно. Красиво же! Лампа в окружении трещинок похожа на пробившийся из-под снежного наста цветок.

— Даже не знаю, — Дима задумался. — Особых указаний не было, но я чувствую...

И тут я тоже почувствовала: пол затрясся, выдавая приближение кого-то крупного.

— Ахтунг! — Дима выпрямился и стер с лица лирическую задумчивость.

— Здравствуйте, здравствуйте, всем доброе утро, поздравляю с началом нового трудового дня! — в распахнувшуюся дверь аккуратно двинулся сияющий улыбкой Плевакин.

Наш председатель суда — многоопытный юрист и отличный дядька, порядочный и с принципами, но при этом хитрец и мани-

пулятор, каких мало. Его задушевная улыбка такой же «великий признак», как дрожание левой икры Наполеона — она уверенно предвещает неприятности. И они неизменно случаются всякий раз, когда солнечно улыбающийся Анатолий Эммануилович самолично посещает наши с Димой рудники. Плевакин у нас настоящий буревестник. Хотя внешне становится все больше похож на пингвина, особенно в этом черном костюме и белой рубашке...

Я прищурилась, воображая на месте буревестника-шефа безобидного и милого императорского пингвина. Это была последняя возможность добавить себе чуточку радости и оптимизма перед грядущими неприятностями.

— Ну, Елена Владимировна, родина тебя не забудет!

Всё, началось.

— Я там тебе дельце отписал многообещающее...

Плевакин кивнул на стопку папок на столе.

— Неужели опять про красоту?¹ — скривилась я. — Анатолий Эммануилович, ну, имейте же совесть и жалость, я не хочу быть актрисой одной роли!

¹ Подробнее об этом деле читайте в романе Т. Устиновой и П. Астахова «Красотка».

— Вот именно! — Плевакин согласно покивал. — Как раз поэтому на сей раз у тебя будет никакая не красота, а вовсе даже наоборот. Иски к застройщику не смотрела еще?

— Только собралась...

— Правильно, соберись, сосредоточься и покажи им всем высокий класс, как ты это умеешь.

— Им — это кому? — От догадки мне сделалось нехорошо. — Журналистам?!

Плевакин молча развел руками и покачался с ноги на ногу, сделавшись похожим на гигантского пингвина даже без прищура, однако меня уже ничто не могло развеселить.

— Ну, Анатолий Эммануилович, почему, как резонансное дело, так обязательно мне?! Отдайте кому-нибудь другому! Сидоркин вон хочет продвигать личный бренд, он даже канал себе на Дзене завел, пустите вы уже его к журналистам...

— Пустить козла в огород?! — шеф нарочито ужаснулся. — Сидоркин меры не знает, он тут устроит братание на линии фронта, а ты умеешь держать дистанцию. К тому же писаки тебя уже знают, любят, ценят... И все косточки успели обсосать, так что новых сенсационных материалов по теме твоей личной жизни не предвидится.

— То есть пусть меня добивают, других вы на растерзание бросать не будете, да?

— Вот, видишь, ты все понимаешь!

Шеф обласкал улыбкой меня, перевел построжавший взгляд на Диму:

— Задача ясна?

— Так точно! — бодро отчеканил мой помощник.

— Трудитесь!

Благословив нас, Анатолий Эммануилович развернулся и, мягко шаркнув округлившимся боком о дверной косяк, канул в коридор. Мы с Димой дождались, пока его шаги затихнут, и дружно вздохнули.

Такое уже случалось, Эммануилович наш дорогой уже сбрасывал мне с барского плеча резонансные процессы, на которые коршунами слетались СМИ. Всякий раз это была жуткая нервотрепка: гиперактивная желтая пресса не ограничивала свой интерес сутью дела, лезла и в мою личную жизнь, полоская бельишко так тщательно — куда там стиральной машинке!

Шеф, когда я, не выдержав прессинга, приходила к нему пустить слезинку-другую в костюмную жилетку, утешал меня тем, что я, мол, жертвую собой не напрасно, гласность и открытость общественно полезны, а внимание всяче-

ских информаторов и просветителей к судам — похвальная традиция.

Насчет традиции я была в курсе.

Нынешние СМИ, особенно телеканалы, навондившие эфир душераздирающими постановочными судами, вовсе не изобрели велосипед. Такие шоу — с поправкой на отсутствие телевещания — были очень популярны еще сотню лет назад.

После революции в стране царили голод, разруха, антисанитария, свирепствовали эпидемии. На издание санитарно-просветительной литературы у новой власти не имелось денег, да и какой смысл что-то печатать, если народ был чуть ли не поголовно безграмотным? А вести разъяснительную работу было жизненно необходимо, и инструмент воздействия на массы был взят из прошлого — практики студентов-юристов, в курс обучения которых входили импровизированные судебные заседания.

Такая практика в России появилась еще в середине XIX века и довольно быстро приобрела характер интеллектуальной игры: состязания судебного типа стали использовать словесники и просто любители литературы. В своих кружках, в солидных клубах, на семейных вечерах они устраивали судебные процессы над героя-

ми книг — Онегиным, Печориным, Базаровым, Дубровским...

Большевики пошли дальше и придумали ту схему, которую прекрасно используют наши сегодняшние теледеятели: они привлекли к постановкам настоящих профессионалов и поставили дело на коммерческую основу.

Организовал эту работу Народный комиссариат здравоохранения СССР, в основу сценария первой такой постановки лег реальный судебный процесс над проституткой, заразившей красноармейца сифилисом. Получилась захватывающая пьеса, в которой свидетели разоблачали проститутку с выразительной фамилией Заборова и она после долгих запирательств и хитрых уловок признавалась, что торговала телом. Обвинитель обличал не столько подсудимую, сколько толкнувший ее на скользкий путь буржуазный строй, защитник произносил проникновенную речь, от которой публика рыдала... И финал был неожиданным — Заборову направляли на лечение, а против зараженного ею красноармейца Крестьянинова возбуждали дело «по обвинению в пользовании проституцией и создании на нее спроса».

В общем, в процессе были интриги, скандалы, расследования — все, как и сегодня любит массовый зритель. Думаю, несколько адаптиро-

ванная к современности и специфике «голубого экрана» версия того суда имела бы большой успех и у нынешней публики...

— Опять! — сказала я, прекрасно понимая, что ничего уже не изменить, но испытывая острое желание пожаловаться.

— И снова, — сочувственно поддакнул верный Дима.

— Вот за что? — спросила я.

Вопрос был риторический, но помощник ловко повернул его новой гранью:

— За то, чтобы на этот раз процесс прошел как можно тише?

— В смысле, за это и выпьем? — я угадала невысказанное предложение. — Хм... Но это разве что вечером, сейчас нам надо работать...

— Трудиться! — напомнил Дима с узнаваемой интонацией Плевакина и воздел указательный палец.

Я захихикала, но смех был нервный, как вся моя жизнь.

Истец Волошин Г. В.

— Гоша, положи, эта дрянь даже на тряпки не годится!

— Сам вижу.

Георгий Васильевич щипком снял с линялого клетчатого пледа ворсистый катышек, рассмотрел его, хмурясь, брезгливо отбросил и покачал головой:

— Понятно, почему это выкинули. Непонятно, зачем вообще покупали! Ну видно же — тут шерсти ни грамма, одна вискоза с целлюлозой, только и всего, что нарядный — в клеточку! Но из говна ж конфету не сделаешь...

— Разумеется, ты у нас самый умный и лучше всех умеешь делать покупки, — привычно съязвила Анна Трофимовна, аккуратно сворачивая придиричиво изученный свитер.

Вот свитер был хороший, не из вискозы, целлюлозы или какого другого «говна». Свитер оказался шерстяной. Заношенный до дыр на локтях, но все еще пушистый и колкий. На животе

у свитера было большое, сразу видно, неистребимое пятно, и только это мешало ему продолжить жизнь в качестве предмета одежды. Рукава-то Анна Трофимовна прекрасно починила бы, у нее имелись подходящие куски искусственной кожи от старой сумки, из них получились бы превосходные латки, большие, но стильные.

Анна Трофимовна нахмурилась, прикидывая, как Георгий Васильевич отнесется к идее спрятать пятно на свитерном животе под большим и стильным накладным карманом... Нет, не одобрит. Скажет: «Я тебе кто — кенгуру?» — и еще долго будет непримиримо пыхтеть вонючей сигаретой.

Ну и ничего, она еще дома этот свитер хорошенько рассмотрит — на просвет, держа его над направленной вверх настольной лампой, — и, если выяснится, что шерсть не тронула моль, распорет по швам и распустит. Из такого большого свитера можно связать Георгию Васильевичу превосходный жилет и носки. Или зимнюю шапку и просторный шарф с кистями.

Нет, лучше жилет. Превосходный. Георгию Васильевичу очень пригодится превосходный теплый жилет, зимой будет холодно, а у него спина...

А если моль уже успела поживиться этим свитером, то он пойдет на утепление стен. Два

распоротых по швам рукава, передняя и задняя полочки — такого большого свитера хватит, наверное, на целый квадратный метр!

— А это? — Георгий Васильевич развернул шуршащий ком, и тот оказался просторной курткой, явно мужской. — Берем?

Анна Трофимовна прищурилась.

Куртка была в порезах, и никакие, даже самые стильные латки ее бы уже не спасли. Георгий ретически помогла бы художественная штюпка, а лучше даже вышивка, какие-нибудь цветочные гирлянды... Но как отнесется к предложению ходить в цветочных гирляндах Георгий Васильевич, и думать не стоило. Гаркнет: «Я тебе что — клумба?!» — и непримиримо запыхтит.

— А ну-ка, — Анна Трофимовна потянулась к куртке, пытливо пощупала полу, вывернула ее.

— Подкладка вроде целая, — сказал Георгий Васильевич, угадав ее интерес.

— Тогда, конечно, берем, — решила Анна Трофимовна. — На стену пойдет.

— Ничего, что синтетика?

— Зато непродуваемая.

Помогая друг другу, они сложили сегодняшние находки в сумку на колесиках, и Георгий Васильевич привычно впрягся в нее:

— Ну? К магазину еще пойдем или сразу домой?

Во дворе у продуктового магазина «Солнышко» имелась еще одна хорошая мусорка. Она была спрятана в глубине уютного старого двора, и посторонние прохожие с улицы ее даже не видели. А народ в соседних — старых, «сталинских» еще, — домах проживал не самый бедный, так что на мусорке то и дело оказывались вполне еще годные вещи. Однажды они нашли там исправную микроволновку. Ее пришлось долго отмывать — изнутри она была вся заляпана жиром, а снаружи просто запачкалась и запылилась, зато работала хорошо. Только энергии забирала многовато...

— Давай домой, — попросила Анна Трофимовна и потеряла плечо. — Суставы ноют, погода портится, мне бы в тепло...

Она больше ничего не сказала, пошла вперед, но Георгий Васильевич нахмурился, стиснул зубы.

В тепло! Конечно, Ане надо в тепло. У нее ревматоидный артрит, такой болезненный... А только где оно, то тепло? Осень едва началась, а в гараже уже сыро, промозгло.

Не рассчитали они. Недооценили московские холода. После северов-то! Думали, им и зимой тут вполне нормально будет, не минус сорок же.

Анна Трофимовна шла медленно, и по тому, какой деревянной стала походка супруги,

Георгий Васильевич догадался, что ей совсем нехорошо.

— Погоди, Ань, я вперед, печурку раскочегарю!

Он обогнал ее и заторопился, подскользываясь на раскисшей после ночного дождя палой листве. Сзади, нагоняя и обещая стукнуть под коленки, с веселым дребезжанием катилась сумка-тележка, пухлая от сегодняшних находок.

До чего ж они докатились, гос-споди-и-и... По помойкам шарят! Ведь уважаемые были люди, он — мастер-механик, каких поискать, она — учительница математики, тридцать лет на северах, да, вкалывали, да, мерзли, да, света белого не видели, но летом обязательно в отпуск на юг, всегда добротная одежда, хорошее питание, ребенку свежие фрукты — все было, все! Копеечку скопили, думали, купят себе под старость квартирку в самой Москве да заживут наконец, как культурные люди. В музеи ходить будут! В театры! А хотя бы и в кино, и просто в парки, тоже хорошо...

Вот вам парки и кино: помойки и гаражи.

Никогда в жизни он так не ошибался, как с покупкой этой распроклятой квартиры. Но ему же как оттуда, с северов, представлялось? Москва — столица нашей родины, уж там-то во всем красота и порядок. Потому что где же еще

им быть, красоте и порядку, если не в Москве? Там же сам президент, правительство, министры все — хотя они, конечно, тоже через одного жулики изрядные, ну, кроме разве что самого президента, тот вроде правильный мужик, за страну всерьез радеет, Крым вот вернул...

На площадку перед гаражом намело желтой листвы, Георгий Васильевич раскидал ее в стороны ногами. Аня не любит мусора, летом она эту площадку из шланга поливала и щеткой терла, чтобы плитка блестела. Георгий Васильевич ставил на площадку складное креслице и пластмассовый стул — тоже с мусорки, но еще крепкие и отмытые дочиста, деревянный чурбачок вместо столика, и сидели они там с Анной Трофимовной, чай пили... Хорошо было.

Георгий Васильевич погремел замком, запахнул скрипучие гаражные ворота пошире — впустил в помещение свежий воздух. Пошаркал ногами о шипастый резиновый коврик — Аня любит, когда чисто! — и зашел внутрь.

Вот гараж у них хороший, хотя бы с ним он не промахнулся. Кирпичный, со светом и водой. Еще с ямой, но она им особо не нужна, автомобиля-то нет, так что яма служит не для ремонта, а для хранения банок с заготовками. Они этим летом и варенья, и соленья запасли — а как же! Одними магазинными продуктами

с их финансами не прокормишься. Специально в область на электричке ездили, чтобы яблоки, вишни и огурцы подешевле купить...

После улицы, прогретой мягким осенним солнышком, гараж казался темной сырой пещерой. Поколебавшись, Георгий Васильевич включил и лампу, и электрический обогреватель, и плитку — от нее тоже идет тепло. Электричества приборы, конечно, жрут немерено, а это дорого, но у Ани же суставы, ей нужно тепло... На прошлой неделе они еще обходились печуркой из керамических горшков — очень остроумное изобретение, экономичная штука-вина, одной свечой-таблеткой можно греться несколько часов. Но осень вступила в свои права, остроумная печурка перестала справляться, пришла пора много жрущих электрообогревателей...

Отопление бы им сюда провести, но как? То есть технически это не проблема, он бы сам все сделал, ерунда вопрос. Водопровод есть и электричество, можно колонку поставить, хотя она тоже много жрет, зато и тепло будет, и горячая вода... Не обязательно всякий раз в баню ходить, и тут помыться получится... Но на котел нужны деньги, а где их взять?

Нет, они, конечно, не нищие и не бомжи какие-нибудь. Гараж вот сняли, живут тут,

а прописаны в деревне Черемшанка Ишимского района Тюменской области. Там у Ани сестра и старый родительский дом, половина его после смерти стариков Ане отошла, вот там они и прописаны. Пенсию получают оба — хорошую, на северах же работали. А только Анечкина пенсия почти полностью уходит сыну Пете в Белоруссию, нет, теперь надо говорить — в Беларусь. Там, в Беларуси, почти как у нас в советское время: социалка хорошая, учеба, спорт, кружки всякие, лечение — это бесплатно, а вот зарплаты мизерные и подработку никак не найти. Петя работает в газете, получает мало, а у него семья — жена, детей двое. Пете приходится помогать. Вот и живут они с Аней на одну пенсию Георгия Васильевича. А в Москве даже северная пенсия, когда она одна на двоих, уходит как-то совсем незаметно.

А еще судебные расходы. Одному нотариусу за копии документов сколько заплачено, а ведь еще и юриста, наверное, нанимать придется. Без своего юриста они вряд ли дело выиграют, а им очень надо его выиграть, вот просто позарез. Учебный год начался, вот он закончится, и Петин старший, Дениска, приедет поступать в Москву. Тут какой-то хитрый инженерный институт, какого в Белоруссии, то есть Беларуси, вовсе нету, а Дениске надо непременно в него...

Они же там — Дениска и Петя в Беларуси — как думают? Бабушка с дедушкой живут в Москве в своей собственной квартире. Однокомнатной, но новой, хорошей, со всеми удобствами. Они же не знают, что квартиру Георгий Васильевич так и не получил! Деньги отдал, а квартиры нет! И, может, никогда уже не получит, потому что вот таких, как он, обманутых дольщиков, пруд пруди, и только самые умные и ушлые могут чего-то добиться — хоть квартиры, хоть возврата денег...

Георгий Васильевич все-таки хочет квартиру. Чтобы тут в парки, в музеи, в театры... В больницы хорошие — Аню лечить. И чтобы Дениску в хитрый инженерный институт.

Вот Дениска приедет и где он тут жить будет — с ними третьим в гараже? Так гараж не их собственный, арендованный, его законный хозяин в любое время назад потребовать может. Вдруг не понравится ему, как Георгий Васильевич с Анной Трофимовной тут хозяйничают — ремонтную яму в погреб превратили, кухонный угол с электроплиткой и микроволновкой выгородили, спальную зону с надувным матрасом организовали, биотуалет поставили, стены вот тряпками утепляют... Да и потом, не дело это — пацану в гараже жить, это они, старые, еще могут помыкаться, ко всему привычные, на северах тридцать лет...

Хотя Ане, конечно, тоже нужно в тепло. Уехала бы, в самом деле, хотя бы на зиму к сестре, в деревню Черемшанку Ишимского района Тюменской области! Дом там старый, но крепкий, печь кирпичная на полкомнаты, дров полно... А у сестры муж-алкаш и мизерное пособие по инвалидности, она Аню даже с остатками ее северной пенсии с распростертыми объятиями примет. Но Аня разве поедет? Оставит его одного тут по судам бегать? Нет, конечно, они же затем и приехали, чтобы поближе к этой своей квартире быть — поняли, что оттуда, с северов-то, ни на что повлиять не смогут. А тут хоть попытаются добиться правды.

Да нет — тут добьются! Тут же президент, правительство, министры всякие — даже если и они там жулики через одного, порядочные-то люди тоже имеются? Ну, президент хотя бы... Георгий Васильевич не отступится, этот заковыристый жилищный вопрос обязательно нужно решить. Пусть тягомотно, через суд, но решить — и обязательно по справедливости.

Дениска приедет летом, к тому времени у них должна быть квартира. Значит, хоть ты сдохни, а надо решить этот вопрос до весны!

— Или решим — или сдохнем, — пробормотал себе под нос Георгий Васильевич.

Анечка еще не вернулась, обогреватель гудел, плитка потрескивала, в гараже становилось теплее.

Георгий Васильевич вынул из сумки найденное на мусорке тряпье и распластал старую куртку по кирпичной стене, примеряясь и оценивая. Ну, не очень красиво, не медвежья шкура, конечно, но нам сейчас и не до красоты.

Нам бы до весны как-нибудь продержаться...

На лавочке в сквере плакала бабка.

На фоне золотых и алых кленов она казалась слепым пятном, дыркой, протертой зловредным варваром в жизнерадостном полотне талантливого пейзажиста — вся какая-то серая: плащ, волосы, лицо, бесконечные слезы...

Отчаяние эта серая личность проявляла необычно: руки не заламывала, о спинку скамьи головой не билась, мольбы и претензии к высшим силам не выкрикивала. Просто сидела, ссутулившись и слегка покачиваясь, незряче смотрела на нарядные красно-желтые деревья, а по ее бледному отрешенному лицу ручьями бежали слезы.

Натка, которая неторопливо шла через сквер, от души наслаждаясь дивной осенью, остановилась и насупилась.

Рыдающая бабка портила ей картину мира.

Здесь и сейчас Наткина жизнь была прекрасна: осень выдалась чудесная и радовала теплом и яркими красками, Сенька пошел в школу и пока еще не разнес ее по камешку, на работе сменилось начальство, и новый шеф казался очень даже ничего... И с деньгами наконец-то не было проблем¹, у Натки даже появились амбициозные планы по части улучшения их с сыном жилищных условий... И тут эта скорбная плакальщица, как бельмо на глазу!

Натка хлопнула себя по бедру пухлым веером из желтых и красных листьев.

Что делать?

Почему-то ей показалось неправильным просто пройти мимо, закрыв глаза на чужое молчаливое горе. Как будто в таком случае удача, с некоторых пор благосклонно сопровождающая саму Натку, могла рассердиться на нее за нечуткость и отвернуться.

Искушать судьбу довольной жизнью Натке не хотелось.

С другой стороны, бабка выглядела подозрительно. Во-первых, рыдает, как ненормальная, слезы рекой... Может, действительно психическая? У них как раз по осени обострения

¹ Подробнее читайте об этом в романе Т. Устиновой и П. Астахова «ДНК гения».

случаются. Подсядешь к такой тихой плаксе на лавочку в скверике, а она, может, серийная маньячка, убившая уже девять человек. Сидит тут, оплакивает их крокодиловыми слезами и присматривает себе десятую жертву — юбилейную...

Натка трудилась верстальщицей в популярной «желтой» газете, ей то и дело давали в работу статьи про разных психов и маньяков. Совсем недавно, например, она верстала сенсационный материал про людоеда, который совершенно жутким образом убил своего соседа. Топором его зарубил и сварил! Узнал, что синоптики обещают суровую зиму, и стал припасы делать. До того, по словам знакомых, вел себя вполне нормально, тихий был и мирный, а этой дивной осенью вдруг взял и спятил...

Натка присмотрелась, но топора у рыдающей бабки не увидела. У нее вообще никаких вещей при себе не имелось, даже сумки или пакета. И карманы не оттопыривались, и руки были пустые — лежали на коленях безвольно, как неживые — восковые, только мелко вздрагивали...

— Бабушка, у вас что-то случилось? — решившись наконец, спросила Натка.

Если бы бабка с готовностью отозвалась на проявленное к ней внимание жестом, взглядом или приглашением «А ты присядь со мной

рядом, деточка, и я тебе все расскажу», Натка, скорее всего, ограничилась бы ни к чему не обязывающим проявлением сочувствия. Сказала бы что-нибудь вроде: «Не расстраивайтесь, все будет хорошо!» — и пошла бы себе дальше с чувством исполненного морального долга. Но бабка промолчала и даже попыталась отвернуться — неловко, всем корпусом, как дряхлый человек с ревматизмом, а не как полный сил и творческих замыслов маньяк, успешно подкарауливший в засаде новую жертву.

— Я же вижу, что вы плачете! — нажала Натка, подойдя поближе.

В кармане модного тренча у нее завалялась одноразовая влажная салфетка из Макдака, и она как раз пригодилась:

— Держите, вытрите лицо... Ну, что случилось?

— У меня деньги украли, — неловко — восковые пальцы ее не слушались — вскрывая упаковку с салфеткой, пожаловалась бабка.

— Что, не хватает на билет, чтобы доехать домой, в Тверскую область? — не без ехидства предположила Натка.

Была у нее в прошлом году такая неприятная история. Лена, старшая сестра, на прогулке по городу где-то в районе площади трех вокзалов щедро отсыпала денег жалкой парочке — дере-

венскому парнишке с пожилой мамашей. Натка сестру отговаривала, говорила, что эти двое — жулики, но Ленка, неисправимая добрячка, ей не поверила. Парнишка был бледен, тощ и растерян, его мамаша смотрела испуганно, ее морщинистые губы тряслись, и на худой, в пупырышках, как у ошипанного гуся, жесткой желтой шее отчаянно билась синяя жилка... Короче, Лена дала им денег, и женщина разрыдалась, а парнишка еще полквартила бежал за ними следом, многословно благодаря и выпрашивая адрес, чтобы вернуть эти несчастные пятьсот рублей почтовым переводом.

А спустя примерно месяц Натка опять увидела их на том же месте: невыносимо жалкие деревенщины снова клянчили у сердобольных москвичей и гостей столицы деньги на проезд домой, только на этот раз уже не в Тверскую область — в Саратов, в глушь, в деревню.

Натка тогда почувствовала себя просто оплеванной, хотя деньги мошенникам дала даже не она, а Лена... Оказаться сестрой лохушки, не отговорившей родную дурочку от вредной глупости, тоже было очень неприятно.

Рыдающая бабка тоже могла оказаться мошенницей-побирушкой. Запросто! Выглядела эта особа досточно жалко, причем при ближайшем рассмотрении видно было, что она знавала

лучшие времена: несвежий плащ на ней был из весенней коллекции популярного бренда, ботинки грязные, но тоже хорошие, кожаные, руки без заусенцев и царапин, лицо в разводах от слез, но не опухшее, без синяков и ссадин. Короче, не опустившаяся маргиналка, а приличная пожилая дама в трудной жизненной ситуации.

И, кстати, не очень-то пожилая.

— В какую область? Да нет, я москвичка.

Улыбнувшись, женщина продемонстрировала прекрасные зубы, и Натка с удивлением поняла, что никакая это не бабка. Да ей лет сорок максимум! Даже волосы у нее вовсе не седые, а просто очень светлые и непричесанные — спутались, слиплись, вот и выглядят старушечьими космами.

— Москвички в скверах не рыдают, — назидательно сказала Натка и присела на край скамейки, где почище. — У москвичек есть родные, друзья и коллеги, которым можно поплакаться в жилетку. Или вы безработная сирота-интроверт?

Она нарочно выбрала этот немного задиристый и насмешливый тон, предполагая, что он приведет незнакомку в норму быстрее, чем сочувственное сюсюканье.

— Да, точно, Москва слезам не верит, — бабка, оказавшаяся теткой, наконец использо-

вала Наткину салфетку по назначению: вытерла мокрое лицо и высморкалась. — Извините меня, совсем расклеилась... Никогда не думала, что со мной такое случится. Привыкла считать себя умной — и на тебе...

— Бывает, — согласилась Натка.

Ей не хотелось глубоко вникать в проблемы тетки-плаксы, довольно было и того, что удалось остановить слезы, но встать так сразу и уйти было почему-то неловко. А тут еще в сквере появилась баба Люба, да не проследовала мимо молча, как хотелось бы, а на ходу громогласно изрекла:

— Тыфу, аферистка! — и только потом утупала дальше, фыркая, как сытый морж.

— Кто это? — беспомощно удивилась плакса.

— Ну, аферистка, видимо, это вы, — с кривой усмешкой объяснила Натка. — А если вы спрашиваете, кто эта вредная особа в белобрысом парике, то познакомьтесь: баба Люба, моя соседка по дому. В четвертом подъезде живет, чтоб ее...

Бабу Любу Натка искренне не любила. Это у них было взаимное: баба Люба Натку тоже не жаловала и никогда не упускала возможности ее обругать или раскритиковать. Лена, умная старшая сестра, как-то объяснила Натке причину этой неприязни очень просто:

— Да она же ревнует и завидует тебе. В молодости эта баба Люба тоже была красавицей, как ты, и забыть об этом она никак не может. Отсюда все ее яркие наряды, парики, бусики, ну и наезды на тебя, красивую.

Не верить Лене не было причин, но объяснение Натке не понравилось: очень уж ее напугала перспектива с возрастом превратиться в такую вот бабу Любу. Пенсионерка, прохаживающаяся по дорожкам у дома модельным шагом от бедра, смотрелась, мягко говоря, странно: в малиновых лосинах, короткой замшевой юбке и расшитой стеклярусом джинсовой куртке с широкими подкладными плечами... И в завитом белокуром парике, так неприятно похожем на настоящие волосы самой Натки!

В общем, проявлять солидарность с бабой Любой хоть в чем-либо Натка не хотела и поэтому решительно проигнорировала нелестную оценку, которую вредная старуха мимоходом выдала тетке-плаксе. Натка не только не отшатнулась в ужасе от предполагаемой аферистки, но даже придвинулась к той поближе и повторила свой вопрос:

— Так что же у вас случилось?

А потом с нарастающим интересом выслушала сбивчивый рассказ плаксы.

Галина Плетнева — так она представилась — работала в солидном риелторском агентстве.

Натке даже было знакомо его название, она уже встречала его, потихоньку изучая предложения о продаже приличных «трешек». «Двушка»-то у Натки уже имелась, досталась от бабушки, но маленькая, простенькая, без претензий — из тех, которые называют хрущобами. Продать бы ее да купить другую, получше — об этом Натка начала задумываться не так давно, когда у нее вдруг появились деньги, отдельное большое спасибо за это великолепной пятерке бывших кавалеров.

А Галина Плетнева как раз специализировалась на такого рода сделках — со встречными продажами, когда для покупки нового жилья продают имеющееся и еще что-то добавляют к вырученной сумме.

— Это довольно сложно, нужно учитывать множество факторов, со «вторичками» работать вообще непросто, но зато интересно, — поведала она внимательно слушающей ее Натке. — Совсем другое дело «первички» от застройщика продавать, это как пирожками из буфета торговать — все просто и понятно. Поэтому у нас в агентстве «первичками» обычно новички занимаются, а кто поопытнее, те берутся за задачи посложнее. А я вот... дура такая!

— Почему же дура, и вовсе вы на дуру не похожи, — соврала Натка, подумывая уже сойтись с этой полезной теткой поближе.

На дуру неумытая-непричесанная рева Галина, конечно, смахивала. Но «свой» риелтор — это очень нужный человек. Когда-то бабушка Натке с Леной говорила: «Идите, девочки, в медицинский и в юридический. В семье обязательно должны быть врач и юрист». Бабушка знала жизнь, но только ту, старую. В новой список следовало расширить, теперь в семье не помещали бы еще программист и риелтор. Особенно в растущей семье, нуждающейся в расширении жилплощади. Лена, сестра, не осознала еще, что ей тоже придется решать жилищный вопрос: где, она думает, они с Говоровым гнездышко вить будут? В его «двушке», в ее? Им бы свои квартиры продать да новую купить, побольше...

— А потому дура, что взялась не за свое дело, ну и поплатилась! — Галина была самокритична. — У нас одна новенькая девочка вчера на больничный ушла, надолго, наверное, — в инфекционку с ребенком попала. И, чтобы ее клиенты от нас не разбежались, шеф предложил другим сотрудникам их разобрать, это у нас норма жизни, обычная практика. Там у нее клиентов-то было всего четверо, новенькая же, неопытная еще, можно было всех четверых другим ребятам из числа молодняка раздать, они бы справились, но я, дурища, пожадничала. Цапнула две сделки себе, думала, побыстренько их

закончу и свои проценты получу, как раз смогу погасить кредит за дочкину учебу в институте... Ну, вот мне за жадность мою — ни сделки, ни процентов! Еще и свои деньги потеряла, а в кошельке-то у меня и наличка была, и карточки...

— Так что случилось-то? — чуточку нетерпеливо повторила Натка уже в третий раз.

— Да что? — Галина горько усмехнулась. — Покупатели оказались ненастоящими. Просту жуликами. Коллега моя их по неопытности как следует не проверила, я тоже не остереглась... Короче, договорились мы встретиться на объекте, чтобы они посмотрели на строящийся дом и свою будущую квартиру. Я приехала, они тоже — два рослых парня, я еще подумала: голубые, что ли? Не иначе гнездышко вить собрались, раз однушку себе присматривают...

— И что? — Натке, привыкшей к скандальным газетным статьям, хотелось динамичного сюжета.

— И то! Зашли мы в эту квартиру — ну, однушка как однушка, двадцать пять квадратов, стены пенобетон, отделка предчистовая, площадь небольшая, зато южная сторона... Стоп, о чем я? Зашли мы, значит, в эту однушку, и только я от голубков этих отвернулась, а они меня — раз! По голове тюкнули и, пока я в отключке валялась, карманы вывернули. И сумку